

Поэт, эссеист, переводчик. Живет в Одессе (Украина).

Борис Григорьевич ХЕРСОНСКИЙ

Обладатель специальной премии «Московский счёт».

Лауреат стипендии фонда им. И. Бродского.

Лауреат поэтической премии «Anthologia» журнала «Новый мир».

Неоднократный лауреат и дипломант Международного Волошинского конкурса.

Лауреат литературной Премии Андрея Белого за книгу «Семейный архив» и Премии «Книга года» в номинации «Лучший поэтический сборник» за книгу «Спиричуэлс».

Обладатель специальной премия «Literaris» (Австрия) за книгу «Семейный архив».

Лауреат «Русской премии» (диплом 2-й степени) за книгу «Пока не стемнело» (2011).

Борис ХЕРСОНСКИЙ

* * *

Значит, так. Вынимаешь резной ларец,
ломаешь замок зубами клещей,
открываешь и говоришь: "Покажись!"
Из ларца вырастает резной дворец.
Во дворце – Кощей над мискою щей,
в Кощее – Кощеева жизнь.

Или так. В поле – сруб, а над срубом – дуб,

а на дубе – сук, на суку – сундук,
в сундуке – барсук худой, словно жердь.
В барсуке перепёлка гнездо свила,
в перепёлке – яйцо, а в яйце – игла,
на игле – Кощеева смерть.

Или так. Тебе девяносто лет,
но ты на ходу. На свою беду
приходишь в цех, там ты старше всех
вместе взятых. Твой партбилет
подписан Троцким в двадцатом году,
а в тридцатом пошит жилет.

Но тебя шатает. И ты летишь
затылком в землю и так лежишь,
хрипишь, чтоб тебе помогли.
Над тобой склоняется несколько лиц,
медсестра надевает иглу на шприц, –
и что там, на конце иглы?

* * *

Похожий на этажерку маленький самолет
о пустяковую тучку хрупкий лоб расшибет,
что касается тучи, всамделишной, грозовой,
самолетик в ней попрыгает на манер плясовой,
дергаясь под ударами молнии ножевой,
корчась от боли, как будто бы он - живой.
За щекою грозы как орешек, перекачивается гром.
Вот те бабушка - крылышко, вот те - аэродром.

Будто бы в жилах мотора кровь, а не бензин.
В кожаном шлеме пилот - тот еще сукин сын.
Скалит зубы, боится смерти и, пролетая над
позициями противника. бросает связку гранат.
Связка летит , взрывается, ударившись оземь, дым
подымается во все стороны. Враг стоит невредим.
Целится из трехлинейки, задранной к небесам.
Солнце сияет на шлеме. Кровь течет по усам.

Примитивный аэроплан. Примитивный автомобиль.
Крошечный танк ползет по степи, поднимая пыль.
Телефон на столе штабного. За версту слышишь звонки.
Тачанка с танком по полю боя бежит наперегонки.
Новорожденная технология. Ей расти и расти.
Ей всех нас погубить и себя - не спасти.

Солдатик несет граммофон - жалко бросить, тяжело нести.
Граммофон смеется, играет песенку: "Ты не грусти!"

Но никто не грустит, смех звенит, бокалы звенят,
гимназистки целуют прощальных невозвратных ребят.
Чуть заметные усики, глаза полны синевы,
на страничке учебника надпись "Иду на вы!".
Техника подрастет четверть века спустя.
Пилот поведет стальную машину, лба не перекрестя.
Из брюха бомбы посыпятся, словно рыба икра.
Большая прогулка - маленькая игра.

* * *

остановись, прислушайся если ты
замер не умер а обратился в слух
всё равно шум листвы или гул тщеты
или на даче в июле жужжание мух
приставших к липучке вот свисает спираль
жёлтая лента в чёрных точках над круглым столом
и ты настолько мал что немного жаль
эту что безнадежно дрожит крылом
или царапина на пластинке лёгкий щелчок
прерывает каждую секунду виолончель
или звенит неумолчно чёрный сверчок
на веранде забившийся в какую-то щель
между досками покрашенными в зелёный цвет
вылинявший с годами или ящерица в траве
сухое шуршание когда исчезает свет
говорят что звук ещё слышен минуты две.

* * *

Миг с тобой утоляет мою кручину.
Час с тобой отдаляет мою кончину.
День в трудах для себя превращает в старца.
Ночь в мечтах о тебе возвращает в меня мужчину.

И когда в тяжелом парчовом халате, расшитом
золотыми улитками, ты встречаешь меня поклоном,
я немею от очертаний твоих сокрытых:
бедра, плоский живот и бугорок над лоном.

Как вмещает облако озерцо в середине рощи,
душу мою изнутри твоя замещает внешность.
Я пишу тебе просто — куда уж проще!

Как ученик, боясь допустить погрешность.

Так дрожала когда-то рука, выводя иероглиф
на испытаньях за право входа в чиновный терем.
Там желали лести. Дождались. Я стал угодлив.
Ты ждала потери. Дождалась. Я весь потерян.

И когда на закате, чуть прикрывая ресницы,
я скольжу по отрогам гор расслабленным взором,
чудится мне запряженная драконами колесница:
ты — возница, глядишь на меня с прощальным укором.

Но теперь, когда мир насилья и обольщенья
низвергается в пропасть распада и обнищанья,
я не прошу прощенья — мне нет прощенья.
Я не прошу прощанья — мне нет прощанья.

Страницы поэта в Сети:

{jacomment off}

[«Вавилон »](#)

[«Журнальный зал»](#)

[«Полутона»](#)